

Пусть ждёт, посмотрим, кто кого переждёт. В конце концов, он уже терпел девять лет и не верит, что не сможет переждать ласку, ставшую духом.

Действительно, в последующие дни Чу Юэси заметил, что Цинь Чжан стал ещё ближе к нему, стараясь быть рядом при каждой возможности.

Изначально он и не возражал против этого, но каждый раз Цинь Чжан останавливался на самом интересном, вовремя отдаляясь, только разжёл пламя — сразу же отпускал, оставляя его в состоянии постоянного возбуждения, но без возможности выпустить пар, вынуждая терпеть.

После нескольких таких случаев Чу Юэси стало трудно выдерживать, ведь он был обычным мужчиной, и постоянное пребывание в таком состоянии рано или поздно свело бы его с ума.

Однако он не мог напрямую сказать об этом Цинь Чжану, да и сам не был готов к таким разговорам, вынужденно глотая слёзы и молча снося всё это. Со временем в его взгляде на Цинь Чжана появилась тень обиды.

На это Цинь Чжан лишь улыбался, не говоря ни слова, мастерски играя свою роль, снова притворяясь глухим и слепым, как будто ничего не замечая. Он с удовольствием продолжал дразнить своего супруга, одновременно размышляя, как утихомирить тех, кто оставался в доме Цинь.

Одним вечером, сидя в комнате и читая книгу, он не мог сосредоточиться на тексте, думая о том, как взять под контроль императорский дворец и наследного принца.

Узурпация трона — не пустяк, даже нынешний император когда-то отобрал престол у своего брата, потратив на это немало усилий.

По крайней мере, сейчас все считают, что предыдущий император умер от горя после смерти своей супруги, хотя правда уже не имела значения.

Его люди уже устранили шпионов в городе, но это были только те, кто работал на императора. Сколько осталось у наследного принца, никто не знал. К тому же его здоровье почти восстановилось, и он больше не мог скрывать это от тех, кто его знал, особенно от Цинь Юаньхуа.

Цинь Чжан, опираясь одной рукой на лоб, смотрел на книгу на столе, другой рукой постукивая по подлокотнику кресла, размышляя, как отвлечь внимание отца от себя. Если бы не крайняя необходимость, он не хотел прибегать к силе.

Хотя Цинь Юаньхуа редко появлялся после того, как Чу Юэси переехал в дом, это только усиливало опасность. Это означало, что он перешёл на скрытое наблюдение за ним и Чу Юэси,

что было плохим знаком.

Цинь Чжан не собирался продолжать притворяться. В отличие от прошлого, теперь третий принц уже окреп и больше не нуждался в том, чтобы он притворялся калекой, чтобы успокоить других. Но и открыто показывать себя было неразумно. Ему нужно было найти другой способ взять дом Цинь под свой контроль.

В этот момент Чу Юэси вошёл в комнату, держа в руках две тарелки с закусками и чашу с лекарством.

Он сначала почтительно поставил одну тарелку перед поминальной табличкой Духа-хранителя дома, зажёл три благовония, а затем подошёл к Цинь Чжану, вручив ему чашу с лекарством. Его движения не были ни нежными, ни грубыми, но в голосе чувствовалась лёгкая обида.

— Выпей лекарство.

Цинь Чжан на мгновение замер, медленно моргнув, прекрасно понимая, откуда взялась эта обида, и едва сдержал смешок. Сжав губы, он посмотрел на чёрный, как смоль, отвар и нахмурился.

— Я уже выздоровел, зачем продолжать пить это?

Лекарство Чжугэ Цзинвань действительно было эффективным, но и невероятно горьким. Половина его болезни была притворством, и он уже почти выздоровел, не желая больше пить эту горечь.

— Что значит «выздоровел»? Лекарь Чжугэ сказал, что это лекарство нужно пить несколько лет. Пей быстрее.

Чу Юэси недовольно посмотрел на Цинь Чжана, потеряв прежнее терпение, и начал торопить его.

Цинь Чжан сжал губы, молча поставил чашу с лекарством на стол и продолжил читать, тихо ответив:

— Хорошо, выпью позже.

Чу Юэси нахмурился, без церемоний выхватив книгу у него из рук.

— Чтение вредит глазам. Ты только недавно выздоровел, не стоит так рисковать. Выпей лекарство, а если оно слишком горькое, можешь заесть его пирожным с османтусом.

Цинь Чжан опустил глаза, молча сидя, словно обиженный, и Чу Юэси сразу же почувствовал сильное чувство вины, не зная, что сказать.

Действительно, он был ему должен — не мог ни ударить, ни ругать, даже рассердиться на него не хватало духу.

Чу Юэси тяжело вздохнул, вдруг почувствовав, как его руку мягко взяли. Опустив взгляд, он увидел, что Цинь Чжан смотрит на него, его светлые глаза отражали свет свечей, тёплые и мягкие.

— Не сердись, я послушаюсь и выпью лекарство.

Цинь Чжан тихо успокаивал его, и Чу Юэси покраснел, резко отведя взгляд, тихо кивнув.

Цинь Чжан посмотрел на чашу с лекарством, ещё не выпив, уже ощущая горечь в горле. В конце концов, стиснув зубы, он выпил его залпом, мгновенно нахмурившись. Чу Юэси, обернувшись, взглянул на него и не смог сдержать смешка, быстро сунув ему в рот кусочек пирожного с османтусом.

— Всё ещё горько? — с улыбкой спросил Чу Юэси.

Цинь Чжан промолчал, тёмным взглядом смотря на него, и постепенно улыбка с лица Чу Юэси исчезла, словно он вдруг что-то вспомнил, уголки его губ слегка напряглись. Он тут же швырнул книгу в руки Цинь Чжана, сам же схватил чашу с лекарством и быстро направился к двери, шаги его были немного поспешными.

— У меня на плите что-то готовится, пойду посмотрю. Не читай слишком долго.

Цинь Чжан протянул руку, но ухватил лишь воздух, остановившись на полпути. Он наблюдал, как испуганная ласка убегала, и невольно усмехнулся, улыбка его была полна скрытого смысла.

Бежал он быстро, но ведь они уже были мужем и женой, спали вместе каждую ночь. Неужели он мог убежать посреди ночи?

Однако, к его удивлению, в полночь Чу Юэси действительно сбежал.

Цинь Чжан во сне почувствовал холод, потянулся, чтобы обнять того, кто был рядом, но нащупал лишь пустоту. Он резко открыл глаза, растерянно потрогав уже слегка остывшую постель, медленно сел и посмотрел в тёмное окно.

Снаружи ветер усиливался, и вскоре начал накрапывать дождь. Хотя он был не сильным, но

принёс с собой осенний холод.

Фигура Чу Юэси, словно призрак, стояла посреди двора, перед ним на коленях стояли бесчисленные ласки. Хотя во дворе было темно, можно было разглядеть их странные, яркие глаза, словно призрачные огоньки, появляющиеся здесь одновременно.

Если бы кто-то увидел эту сцену, он бы точно лишился рассудка, ведь такое количество ласок, собравшихся вместе, было крайне необычным.

Чу Юэси стоял под дождём, его одежда постепенно промокала, лицо было слегка бледным, а взгляд — холодным.

Ласки почтительно стояли на коленях перед ним, не двигаясь, словно поклоняясь предку. Ведь в прошлой жизни Чу Юэси был всего в шаге от вознесения, и для них он был практически полубогом.

Чу Юэси внимательно осмотрел их и, наконец, выбрал одну из старших ласок, которая сама вышла вперёд и поклонилась ему дважды. Дождь стекал с волос Чу Юэси, его чёрные глаза были холодны и безжалостны, даже с оттенком злобы.

Он указал пальцем вперёд, и из его тела отделилась тусклая жёлтая аура, медленно проникая в тело ласки.

Ласка тихо вскрикнула, её тело внезапно раздулось, глаза покраснели, и она стала корчиться на земле от боли. Через некоторое время она перевернулась и встала, глаза её сверкали, а тело стало в несколько раз сильнее.

— Я хочу его жизни.

Когда тусклая аура вернулась в его тело, лицо Чу Юэси стало ещё бледнее, а взгляд — ледяным.

Он холодно махнул рукой, и ласка, поглотившая его ауру, почтительно поклонилась ещё раз и исчезла. Остальные ласки также разбежались.

После их ухода Чу Юэси вдруг кашлянул, и из уголка его рта медленно потекла тонкая струйка крови, но на его лице появилась жестокая улыбка.

<http://bllate.org/book/15290/1350960>